

Калдовские *Миры*

КАТЕРИНА ПОЛЯНСКАЯ

МИХАЭЛЛА И ДЕМОН
ЧУЖОЙ МЕЧТЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Полянская, Катерина.
П54 Михаэлла и Демон чужой мечты / Катерина По-
лянская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с.
ISBN 978-5-699-98612-5

Если, спасаясь от преследователей и нелепых обвине-
ний, ты случайно увидишь, как ведьма творит свои черные
дела, мой совет: пробегай мимо, и чем быстрее, тем лучше!
Я вот не смогла. Загляделась. Чем нечаянно ей помешала.
И теперь за мной охотятся очень злые наемники, не менее
злая ведьма и... озабоченный красавец, результат прерван-
ного колдовства.

Последний, наверное, чтобы поблагодарить.
Хотя...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полянская К., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017
ISBN 978-5-699-98612-5

Глава 1

Лежа на крыше ветхого, полуразвалившегося сарая, я старалась даже дышать как можно тише, поскольку всерьез опасалась, что постройка рухнет. Вот будет досада! Спрятаться больше оказалось негде: бежать в село страшно, чтобы закопаться в мох, нужно время, а лазать по деревьям я никогда особенно не умела. Что поделаешь, не было в моем детстве шумных игр в лесных разбойников. Вернее, они были, но я не участвовала, только подглядывала тайком.

Солнышко припекало, и спина под шерстяным платьем вскоре сделалась неприятно липкой. Еще неделю назад следовало купить обновку полегче, но Мьярина задержала жалованье. В первый раз за четыре года, что я на почте служу. Но от этого прохладнее не становится.

В голове теснились самые разные мысли. Например, о том, что, если вдуматься, все истории начинаются примерно одинаково: сидела, никого не трогала — и тут... Далее возможны варианты, но суть все равно одна. Проблемы!

Свои я умудрилась найти, практически не выходя из дома.

Шаги.

Услышав хруст сухих веток и шорох иглицы под сапогами, я на миг обмерла и всем телом вжалась

в ветхую крышу. Прогнившие доски угрожающе за-
трещали, вниз посыпалась труха. Это отрезвило и
заставило внимательнее прислушаться.

И вскоре я поняла, что приближается всего одна
пара ног. Вряд ли это за мной.

Еще через некоторое время из-за раскидистых
елей, бормоча себе под нос какую-то песенку, вышла
хорошо знакомая мне особа — чернявая, простово-
лосая, в пестром платье из лоскутов и красных са-
пожках на каблучке. Их острые загнутые носы словно
норовили взглянуть на хозяйку, а амулеты на шее и
вокруг талии молодой женщины мелодично позвя-
кивали, будто подыгрывали ее песенке.

Арина. Или госпожа ведьма, как ее величали
местные, и я в том числе.

Ее в селе уважали, как же, единственная ведь-
ма на всю округу. Приехавший из столицы лекарь
и две его помощницы, спасая народ от болотной
лихорадки, отдали души покровителям, а студенти-
ки, которых в последние годы изредка присылали,
вообще ни на что не годились, так что со всеми
проблемами люд шел только к ней. Само собой, го-
спожа ведьма не бедствовала. Мне на такие сапож-
ки три года копить, и то с условием, что откажусь
от еды.

Собственно, это я все к тому, что если она за
меня вступится, может быть...

Додумать мысль, а тем более что-то предпринять
не успела. Ведьма вытащила из наплечной сумки
флягу, украшенную самоцветными камнями, и це-
ленаправленно зашагала к просвету меж двумя со-
снами, аккуратно напротив моего укрытия.

Обзор представлялся хороший, и с явлением
себя я решила немного повременить.

Что плохого случится, если я немного подсмотрю? Я ведь не следила за ней, ведьма сама пришла. А хоть раз в жизни поглядеть на чародейский ритуал страсть как хотелось. Репутация у Арины исключительно хорошая, вряд ли она тут будет творить нечто такое, чего не следует видеть чужим глазам.

Успокоив себя таким образом, я обратилась во взор.

Тем временем ведьма добралась до нужного места и вылила содержимое фляги на землю.

Сгущающиеся сумерки, казалось, сделали приторный запах еще сильнее и слаще. Два вдоха — и к горлу подкатил ком. Я чуть не выдала себя! Чтобы этого не случилось прежде времени, пришлось утыкаться носом в рукав шерстяного платья и бороться с приступом тошноты. Кто же знал, что магия — эдакая мерзость?

А ритуал меж тем двигался полным ходом. Когда я вновь посмотрела в сторону основных событий, из земли как раз пробивался зеленый росточек. Делал он это стремительно и уверенно, что не свойственно нормальным растениям. А ведьма улыбалась и наблюдала за процессом так, будто ей самой было любопытно, что же в итоге получится. Можно подумать, не знает, что колдует! Мне снова сделалось интересно. А еще вдруг подумалось, что лучше бы мне здесь все-таки не быть и всего этого не видеть, но деваться было некуда, а потому прогнала разумную мысль подальше.

Росточек все увеличивался и уже скоро перевалил за привычный размер цветка. И все же это был цветок — стебель, листья, несколько закрытых бутонов. Диво доросло до размера клена, одного из тех,

что у старого пруда стеной стоят, и остановилось. Бутоны медленно стали раскрываться.

— Лилия... — одними губами произнесла я, с трудом вспомнив название цветка. — И воняет так же.

В цветах я не особенно понимала, но этот узнала. Год назад такой, только розовый с пятнами, посадила у себя Виатта, купеческая дочка, прямо под окном. Так сама слегла и хворала, пока гадость не вырвали и не выкинули.

На наколдованной громадине распустились большие белые цветы. И запах был тоньше того, что я запомнила, но все равно слишком сильный.

Дальше началось совсем жуткое.

Арина отцепила от пояса нож, прошептала несколько слов над кривым лезвием и, вытянув руку, размашистым движением резанула запястье. Застонала от боли, но руку продолжала держать так, чтобы кровь капала на корни цветка.

Жуть какая-то...

Желание подсмотреть волшебство истаяло безвозвратно, как хмельное в кружке старика Базиля пятничным вечером. Я уже поняла, что ненароком увидела то, чего видеть никому не следовало, и запоздало уткнулась лицом в ветхую крышу. Кровь... Это наверняка темная магия! Запрещенная. Если узнают, Арине не сносить головы. А если она узнает, что я оказалась свидетельницей...

Но, очевидно, сегодня покровители смотрели в другую сторону.

Они и прежде особенно не баловали меня вниманием. Видимо, находились более достойные объекты.

Стоило решить, что я не хочу знать, что там дальше произойдет, как крыша подо мной затрепала.

Ведьма вздрогнула, обернулась.

Может, не заметит?

Ну нет, мне никогда так не везло.

Ругательства мы с Ариной прошипели одновременно.

А потом постройка, на которую я забралась со страху где-то с час назад, качнулась, сильно накренилась... и часть крыши вместе с одной стеной просто развалилась. Я с криком полетела вниз, размахивая руками в попытке ухватиться за что-нибудь. Но все, что попадалось под пальцы, тоже падало и служить опорой категорически не хотело. Из-за взметнувшегося облака пыли и трухи кругом видно ничего не было, и почему орет ведьма, для меня так и осталось загадкой.

Удар о землю, усыпанную остатками подгнивших досок, выбил из меня весь воздух. Дыхание не возвращалось долго, и я всерьез испугалась, что задохнусь. Когда же получилось глотнуть воздуха, в нос и рот набилась пыль, я отчаянно закашлялась. До хрипа и слез на щеках.

Как же больно... кажется, я что-то себе сломала. Только не пойму что, руки-ноги вроде нормально двигаются...

С большим трудом мне удалось подняться на четвереньки, и тут громыхнуло. Прямо над головой! Странно, кажется, небо светлое было... Или это кусок сарая развалился? Не успела я понять, что к чему, как прямо в лилию ударила молния и повторился громовой раскат.

Пыльное облако поредело, и стало возможно рассмотреть хоть что-то перед собой. А именно, ведьму, которую явно чем-то приложило и которая теперь лежала без сознания. Дышала, это я точно ви-

дела, но в себя Арина приходит не спешила. И ссадина у нее на лбу здоровенная краснела.

Цветок исчез. Вместо него на земле в странной скрюченной позе застыл беловолосый мужчина. Молодой, бледный и непривычно худой. Не то что по сравнению с кузнецом или плотником, он даже рядом с пекарем и его сыновьями мелким будет. Узкое лицо с тонкими чертами казалось непривычным. Вроде все как у всех — глаза, нос, губы, а все равно другое. И руки нежные, как у богатой барышни. Не болело бы все внутри, непременно бы потянуло смеяться.

«Как ведьма это проделала? Как он сюда попал?! А мне зачем это знать?!» — подумала я и подползла поближе.

Темная магия, случайная свидетельница, ведьма меня точно видела... Можно было понадеяться, что не признала, но это было бы волшебство похлеще цветка, политого кровью, из которого появился голый мужик. И зачем он Арине сдался? Почему было не начаровать ему хотя бы штаны, а то совсем срам... Не о том думаю! Осознав это, я заодно поняла, что пора убираться отсюда, и начала потихоньку отползать.

Совсем недалеко продвинулась, когда наколдованный мужчина разлепил глаза и недоверчиво уставился на меня.

Странные у него глаза... Страшные.

Ярко-голубые, холодные, как два озера, и в их кристальной глубине плавает вертикальный золотой зрачок. Узкий, будто ниточка.

Искры, рассыпавшиеся вдоль золотой полоски, словно прибавили мне сил. Я начала пятиться активнее. Наколдованный на нас с ведьмой внимания

не обращал. Он повел голыми плечами, хрипло застонал, удивленно оглядел себя, потом вытянул руку и стал пристально разглядывать ее.

И тут ведьма решила, что мы без нее соскучились, и слабо пошевелилась.

Одновременно с этим в стороне слышались шаги, грубые голоса и басистый собачий лай.

Все, добегалась.

Лучше бы ведьма побыстрее приходила в себя! Эта хоть сразу убьет, а те еще помучают.

Хоть я и попыталась схорониться под обломками, заметили меня сразу. Перед носом кляцнула зловонная пасть, и усатый дядька в неприметном черном плаще распорядился:

— Хватайте уродину!

— А эти как же? — Один из парней помоложе окинул внимательным взглядом постанывающую ведьму и наколдованного, который все еще разглядывал свою руку, будто на ней было нечто, видимое ему одному.

Усатый сплюнул себе под ноги и оттащил пса, пока тот меня не порвал. Здоровенный волкодав разочарованно засопел.

— Господин только насчет уродины распорядился. Берите ее и пошли.

Боль от падения все еще была такой сильной, что я не почувствовала ничего нового, когда меня грубо вздернули на ноги, заломили руки и потащили к богатому дому.

Вот так всегда... Уродина. Безобразная. Образина. Сомневаюсь, что жители села хотя бы помнят мое имя. Эти были не местные, но и они сразу сориентировались.

Путь предстоял не особенно быстрый. Чтобы добраться до дома господина Ффруа, требовалось частично обогнуть селение, вдобавок я еле ковыляла, и это тоже не добавляло скорости передвижению. Наемники ругались, грубо пихали меня в спину, но быстрее все равно идти не получалось. Пока я с трудом поднималась на ноги после очередного падения, самый молодой — прыщавый русоволосый паренек лет семнадцати на вид — не то с отвращением, не то с восхищением заметил:

— Никогда не видел такой страшной девицы.

Дружки разговор поддержали, и меня до самого дома оставили в покое. Ну, разве только держали крепко, чтобы не удрала.

Когда не пихают со всех сторон, идти, несмотря на боль во всем теле, куда легче.

Механически перебирая ногами, я изо всех сил старалась думать о платье. Одно из двух шерстяных, которые у меня имеются, теперь было измазано и порвано в нескольких местах. Надеюсь, получится выстирать и зашить. С моим жалованьем я еле на летнее наскрести смогу, а если еще и это...

И все равно совсем не слышать разговора мужчин не получалось.

К замечаниям в адрес своей примечательной внешности я привыкла давно и почти так же давно научилась делать вид, что они меня не задевают, но все же в глубине души было обидно. И понимание, что из-за обезображенного лица мне никогда не узнать, каково это — иметь ухажеров или хотя бы подруг, никогда не выйти замуж, не стать матерью, не получить даже по деревенским меркам нормальную работу, а значит, всю оставшуюся жизнь едва сводить концы с концами, больно царапало. Но по-

делать тут ничего нельзя, и я просто запретила себе об этом думать. Но иногда любопытная мысль — какой бы я была, если бы болезнь не обезобразила мое лицо? — нет-нет да и проскальзывала.

Пятнадцать лет назад в деревню с болот пришла лихорадка. Но не такая, которая случалась прежде и до сих пор является в конце почти каждого лета. Болеют немногие и почти никто не умирает. Один или двое, никогда не больше. Местные исправно льют слезы и несколько дней ведут себя так, будто жизнь кончилась, потом резко забывают, и все возвращается в свою колею. Я же давно научилась спокойно относиться к смерти.

В тот раз было иначе. Заразились многие, но вылечиться посчастливилось одной мне. Хотя лично я никогда не считала это везением. Каждый, кто соприкасался с больным, уже через несколько часов покрывался язвами. Жар, бред... смерть. Так половина деревни полегла.

Моя мать была помощницей лекаря, ее всего за несколько недель до того прислали в эти места. Как мне потом рассказывали, она умерла одна из первых. Оно и неудивительно, мэтр Говард и две его помощницы сутками не отходили от больных, но тех становилось все больше. Я заразилась уже позже, когда болезнь отступала. Наверное, потому и уцелела, как знать.

Следы от уродливых язв так и не исчезли с лица. И уже не исчезнут.

Я смирилась. Почти.

Когда все закончилось, село наше прозвали Черным Лесом. Название, как ни странно, прижилось. Не так много времени прошло, но прежнего теперь и не помнит никто.

Едва стало ясно, что опасность миновала, меня забрала к себе местная учительница. Из ее семьи не уцелел никто. Мама Мианна была добрая, все время кому-нибудь помогала, одной зимой даже детеныша какой-то лесной нечисти подкармливала. Пока она была жива, мы существовали вполне сносно, и самой большой моей бедой было то, что местные шарахались от меня как от чумной. Когда же я осталась одна, остро встала проблема пропитания. Хотя в школу меня не взяли, чтобы не пугала других детей, мама Мианна учила меня дома. Однако несмотря на все знания, устроиться получилось только на почту. И то мне доверялись лишь те письма, для доставки которых не требовалось входить в дом. Вечером я забирала сумку с посланиями к себе, а перед рассветом проходила по улицам и раскидывала послания по деревянным ящикам у домов.

Нашлась и еще одна работа. В конце лета, когда приходила лихорадка, мне доверяли ухаживать за больными, потому что болезнь меня больше не трогала. Арина забегала в лечебницу, оставляла снадобья и распоряжения, что, кому и сколько, и тут же спешила убежать, я же сутками могла находиться среди больных — и ничего. За это платили хорошо, но зараза через две недели уходила, иногда уносила с собой чью-нибудь жизнь. А после всякий раз меня начинали сторониться еще больше.

Следов на лицах даже у самых тяжелых больных больше не появлялось. Иногда это отзывалось глухой досадой в душе, и так хотелось, чтобы кто-то из перешептывающихся за моей спиной тоже побывал в моей шкуре, пусть ненадолго, двух недель бы хватило вполне... Но я одергивала себя и спешила получить честно заработанное вознаграждение. Если

везло и болел кто-нибудь из семей побогаче, эти деньги вполне позволяли сносно протянуть зиму.

— Странно, как ее еще на костре не спалили, — ворвался в мысли голос одного из наемников. — По лицу видно, что черной магией промышляет.

Я чуть не икнула с перепугу. Вот только обвинений в запрещенном колдовстве и не хватало! Мне и обычное-то не под силу.

— Пытались, но я плохо горю, — ответила едко, а в душе порадовалась, что местным не пришло в голову обвинить меня в чем-то таком. А может, все дело в том, что я нужна им каждый год во время очередного наступления хвори?

Определиться на этот счет не успела, тропа круто повернула, и перед глазами выросла громада старинного особняка. Когда-то Черный Лес и еще несколько деревень округи входили во владения какого-то вельможи. Но, по-видимому, прибыли они не приносили, поскольку никого из знати тут десятилетиями не появлялось. И вот, нате, пожаловал наследничек!

Ввели меня через дверь для слуг. Потом по узкому темному коридору к тяжелой дубовой двери, за которой отыскалась лестница, уходящая в подвал. Где-то рядом находилась кухня, и в коридоре витали такие запахи, что я едва устояла на ногах и дальнейшего пути почти не воспринимала.

Только оказавшись в комнатке, которая одновременно напоминала чулан и темницу, очнувшись, тяжело сглотнула, мазнула взглядом по сторонам. Каменная кладка, земляной пол, железная дверь с маленьким зарешеченным окошком, за которой уже стихали шаги и гогот наемников. Еще пыльный тюфяк и столик, шаткий, потому что одна из четырех